

IV. Война в судьбах славянских народов

О.А. Туфанова

(Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Изображение народа в «Повести о победах Московского государства»

Abstract:

Tufanova O.A. *The Depiction of the People in the “History of the Victories of the State of Moscow”.*

The article explores the specificities of depiction of traitors, ‘warriors’ and simple citizens in the “History of the Victories of the State of Moscow”, whose author, while skillfully using the devices traditional for the Ancient Russian literature, tries for the first time to give different characteristics of different social groups, abandoning the generalized, abstract ‘people’.

Ключевые слова: «Повесть о победах Московского государства», народ, мотив воровства, постоянные эпитеты, контрастно-сопоставительные характеристики.

«Повесть о победах Московского государства», входя в цикл сочинений, посвященных событиям Смутного времени, сильно отличается от других произведений, созданных после 1613 г., ознаменованного восшествием на престол законного царя Михаила Федоровича Романова. Уже название повести позволяет говорить о ее необычности: в ней рассказывается не о поражениях, а о победах, на что неоднократно указывали исследователи, в частности Г.П. Енин¹. Традиционно в памятниках авторы осмысливают причины Смуты², в «Повести о победах...» об этом речь не идет, кроме постоянного и в целом типичного трансцендентного объяснения трагических событий. В большинстве произведений в центре внимания оказываются цари и самозванцы, последовательно сменявшие друг друга; многие авторы начинают рассказ издалека, с краткого упоминания о правлении Ивана Грозного, но практически во всех памятниках представлена относительно полная галерея портретных характеристик законных и незаконных правителей³. В «Повести о победах...» упомянуты только два царя — Василий Шуйский и Михаил Романов, но не они являются главным предметом изображения. Сравнительно развернутые характеристики воевод М.В. Скопина-Шуйского, Козьмы Минина, появляющиеся во второй части, также не составляют ведущей сюжетной линии в повести. В центре внимания автора, в отличие от всех памятников о Смуте, оказывается изображение народа. В.И. Попков, рассматривавший демократические тенденции русской литературы XVII в., писал: «Почти все авторы в той или иной степени касались темы положения

народа, особенно во время голода 1601–1603 гг., тем восстаний крестьянства и городских посадских низов, борьбы с иноземными захватчиками»⁴. Но ни один автор не делал главным героем произведения о Смуте народ, как это наблюдается в «Повести о победах...».

В произведении нет единого образа народа, более того, автор сознательно разграничивает разные категории населения Московского государства, вводя различное, правда не всегда выдержанное от начала до конца именование. Так, в «Повести о победах...» обнаруживаются следующие именованья: «воры» (и вариант — «русские воры») и «государевы изменники», «смоляны», «разных чинов служивые люди», «ратные люди», «государевы люди», «народ града Москвы», «российсти людие», «брянчяня», «арзамасцы», «людие Нижнева Нова града» и т.д. Уже этот неполный перечень именованья разных категорий населения позволяет выделить три основные группы, которые оказываются в центре внимания в «Повести о победах...»: первая — «русские воры» и «государевы изменники», вторая — «ратные люди», третья — народ или люди конкретного города. При этом такие понятия, как «смоляны», «брянчяня» и т.п., входят во вторую группу, поскольку автор «Повести о победах...» так именуется ополчения, «ратных людей» из разных городов, обычные жители обозначены в произведении иначе: «народ» или «людие». В зависимости от того, о ком идет речь в памятнике, меняется и принцип изображения.

Под «ворами» и «государевыми изменниками» подразумеваются, в первых, руководители крестьянского восстания, бывшего в период правления Василия Шуйского [«вор, холоп Телятевских, именем Ивашко Болотников»⁵ (5), «его же воровской советник, неки вор Юшко Зубцев» (6)], а вторых, их соратники: «своими приборными со многими воры, с украинскими мужики с северы» (5), «множество собравшихся воров русских с северы» (7) и пр. Основной изобразительный мотив этой группы — мотив воровства, который определяет и самих участников восстания, и характеризует их действия. Имена предводителей постоянно сопровождает эпитет «вор»: «вор Ивашко Болотников» (6), «вору Ивашку Болотникову» (7), «предрекомый вор Ивашко Болотников» (7), «неки вор Юшко Зубцев» (6) и т.д. Его приспешники также на протяжении всего текста именуется исключительно «ворами»: «со многими воры ... с воровскими своими умышленники» (6), «многое воровское собрание ... с своими воровскими полки» (7), «окаянни государевы изменники и воры» (8), «воровским своим людем» (8) и пр. Характеризуя их образ действий, автор постоянно упоминает этот же эпитет: «И умысли своим воровством, и прииде под царствующий град Москву...» (5–6), «их злое воровство и умышление» (7), «Той же предрекомый вор Ивашко Болотников, собрався с своими воровскими полки, поиде из Калуги

и засел государев город Тулу, взял из воров своих некотораго вора именем Петрушку и своим воровским умыслом назвал его царевичем...» (7) и пр. Неоднократно автор говорит о соблазнительности «воровской прелести» для многих русских людей, которые по мере разрастания крестьянского восстания примыкали к войску И. Болотникова: «И видя его воровскую прелесть, многие русские люди к ево воровству приложишася...» (7), «И за умножение грех наших тогда восташа множество собравшихся воров ... хотяху тому вору Ивашку Болотникову помощь учинити, и приидоша на государевых людей на Пчелне и многих побили» (7) и т.д. Вся деятельность войска И. Болотникова, по мысли автора, сводилась, с одной стороны, к бунту против «государевых людей», под которыми подразумеваются верные царю Василию Шуйскому «ратные» [«Неки именем Чика, атаман казачей, со многими казаки пристали к воровскому смыслу и востаха на государевых людей» (7), «государевых людей побивати» (7), «...государевы изменники и воры ... нача из града (Тулы. – О. Т.) многи пакости государевым людем творити, из града выходити и побивати» (8) и пр.], с другой – к воровскому разорению городов и уездов: «...начаша разоряти грады и уезды и села своим воровством» (7). Но главная их вина состоит в непокорении воле царя: «их воровское жестокосердие и непокорение ... их воровские козни и непокорство» (8), «государевых изменников и врагов, не покаряющихся его царской державе» (6), в нарушении закона. Не случайно, завершая рассказ о восстании, автор «Повести о победах...» однозначно определяет, за что они были наказаны государем: «Тогда за беззаконие свое вси погибоша, и весь совет их погибе, и суетно сотворися умышление их» (8).

К этой группе по формальным признакам примыкает и упомянутый в произведении «тушинский вор», к которому точно так же, как в свое время к И. Болотникову, «множество русских людей приложишася, к ево прелести» (8). Однако в этом текстовом фрагменте отсутствует подобное изложенному выше акцентирование мотива воровства. Примечательно здесь только упоминание «русских воров», которые вступили в союз с «польскими и литовскими людьми» и «многое разорение» принесли Московскому государству.

В целом, изображение «русских воров» и «государевых изменников» сводится к одному мотиву – мотиву воровства – и призвано показать смуту и разделение, которые существовали внутри русского народа, отсутствие единения.

Вторая группа, условно нами обозначенная как «ратные люди», в отличие от первой, не имеет однозначного именования. Довольно устойчиво в тексте «ратные» именуются «государевыми людьми» в противопоставление «ворам и государевым изменникам», что означает верность царю Василию Шуйскому. В одном из фрагментов «Повести о победах...» автор, употребив

понятие «государевы люди», далее расшифровывает его: «...со своими государевыми людьми, с смоляны, и з дорогобужаны, и с ростовцы, и з брянчаны, и з беляны» (9). Но такая подробная расшифровка понятия — явление редкое; как правило, в памятнике она носит более узкий характер и сводится к упоминанию смолян и прочих «ратных» из различных городов: «государевы люди, смоляне и иные города» (9), «смоляны, с ратными людьми и с иными города со многими полки» (31) и др.

Как видно из приведенных примеров, автор «Повести о победах...» среди прочих «ратных» особо выделяет смолян. Под смолянами в тексте понимаются воины города Смоленска (28), в повести пояснен даже их социальный состав: это «дворяне и земцы и все ратные люди» (6). По аналогии с этим авторским комментарием можно предположить, что и под «ростовцами», «брянчанами» и другими автор понимал тоже исключительно «ратных» людей, среди которых особо выделял дворянское сословие. Сосредоточенность автора на изображении подвигов именно смолян в годы Смуты, убедительно показанная и доказанная Г. П. Ениным⁶, позволила исследователю прийти к выводу, что замысел автора повести «в том и состоял, чтобы показать чрезвычайные заслуги смоленского дворянства перед русским самодержавием»⁷. Енин справедливо указал на то, что смоляне всегда в тексте первыми упоминаются среди ратных людей, что автор отводит им решающую роль в освобождении Москвы и вообще всей страны от всякого рода своих и чужих «воров», интервентов, в том числе и в составе нижегородского ополчения, возглавляемого Мининым и Пожарским, особо подчеркивает верность смолян Василию Шуйскому, их мужество, храбрость, бесстрашие в боях. Продолжая эту характеристику, следует отметить, что смоляне, по сравнению со всеми остальными упомянутыми в «Повести о победах...» «ратными» людьми, проявляют невероятную активность, высокую гражданскую сознательность и самостоятельность. Так, узнав о восстании Ивана Болотникова, что «царь Василий Иванович в велицей печали и Московское государство в великом разорении», «начаша в Смоленске дворяне и земцы и все ратные люди совет совещати, како бы им государю царю помощи подати, и государство Московское очистити от тех воров, и от Москвы отгнати» (6). Болезненно переживая взятие Смоленска интервентами, «смоляне»-воины «всю печаль свою и разорение забывающе, токмо пекущися о православной христианской вере и о очищении Московскаго государства» (28), отправляются в Нижний Новгород, где собирает ополчение для борьбы с интервентами К. Минин.

На протяжении всего текста автор не устает создавать вокруг смолян ореол победоносной харизматичности. Их непобедимость подчеркивается в «Повести о победах» емкой, но весьма показательной в содержательном

плане глагольной формулой «поидоша ... побили», например: «И приидоша полския люди и государев град Дорогобуш взяша. Смолене же уведав и поидоша под Дорогобуш, и, пришедши, полских людей побили, и город государев от них очистили...» (10); «И поидоша смольяне от града Смоленска на помощь ко князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, и с ними разных градов, которые от града Смоленска дорогобужаня, и брянчанеа, и ростовцы, и серепьяна, и вязмичи, и иных градов люди. И приидоша под Дорогобуш, и в Дорогобуже полских и литовских людей побили, и Дорогобуж взяли. И оттоле пошли к Вязме, и в Вязме литовских людей побили же, и град взяли же. И оттоле поидоша к Белой, и, пришед, Белую взяли, и литовских людей побили...» (10).

Важно отметить и тот факт, что нигде на протяжении всего текста ни разу не упоминается руководитель смолян, их гражданская сознательность настолько высока, что их не требуется, в отличие от других «ратных», не проявляющих подобной самостоятельности и выступающих практически во всех фрагментах памятника в качестве ведомых, воодушевлять на подвиг. В приведенном выше примере именно смолянам отводится неявно выраженная роль ведущих. В другом эпизоде «ратных» «просит» о подвиге воевода М. В. Скопин-Шуйский: «И боярин князь Михайло Василевич повеле призвати всех ратных людей своя, и нача испущати от уст своих премудрыя своя, и добромысленныя, и жалованя словеса ко всем своим ратным людем, и просил у всех ратных своих, чтобы идти подо Тверь на полския и литовския люди вскоре... Тогда вси ратные люди премудрых его словес с радостию послушаша, и на его боярское повеление устремишася, и вскоре под Тверь поидоша» (11). Единственный случай в «Повести...», когда смоляне обращаются к воеводе с молитвой и, выслушав его «благоразумные словеса», «послушаша его», связан с получением известия об осаде Смоленска. Но и здесь молитвенная просьба сводится к тому, чтобы Скопин-Шуйский отпустил смолян «ко граду Смоленску полскаго короля от града отогнати и град очистити» (13), т. е. опять просят позволить исполнить гражданский долг.

В «Повести о победах...» смоляне настолько высоко поставлены над прочими «ратными», что сам король польский, согласно тексту, держит о них совет, обращаясь к своим людям: «Аще побием смольян, то не будет никто противен нам от руских людей...» (26). Козьма Минин пришедшим в Нижний Новгород смолянам оказывает почести, сравнимые с теми, которые обычно оказывали патриарху и царю: «Козма же Минин учинив встречу смольяном со многую честию — честными иконами и со всем собором Нижнева Нова града, со всеми народы выходжаду из града на встречу их и со многую радостию и со слезами рекуще: “Се ныне, братие, грядет к нам

христолюбивое воинство града Смоленска на утешение граду нашему и на очищение Московскому государству» (30). А тяжело раненный князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который «от великия своя скорби и от раны ходити не можаше», «слышав же о смольянех», пришедших в Нижний Новгород, «не презре моления их и поиде, от раны скорбен, в Нижней Нов град» (31).

«Ратные» люди из других городов охарактеризованы весьма скупо по сравнению со смолянами. Во всех случаях им отводится второстепенная роль, поэтому в большинстве фрагментов памятника они только называются как участники того или иного сражения, но не характеризуются даже как воины. Более того, авторская оценка «ратных» зависит напрямую от того, как воинские люди разных городов относятся к смолянам. Так, «брянчяня», которые исполнили приказание воеводы Василия Петровича Шереметева и «кормы и запасы смольяном даша» (29), осознаются как положительные персонажи в сравнении с «неразумными» «арзамасцами», не понявшими высокой миссии смолян, не захотевшими дать им «кормов и запасов» и пошедшими против них на бой. Поэтому характеристика «арзамасцев» в тексте сводится к обвинению их в безумии: «...арзамасцы же неразумнии ... не разумеша ... арзамасцы безумен совет сотвориша... Смольяне же, видев их многое безумие и непокорение... арзамасцы же, разумеете свое безумие и непокорство... Тогда бо сами о своем безумии после размыслиша и много потужиша» (29).

Если собирательный образ народа в первых двух группах в основном представляется в конкретных действиях и характеризуется какими-либо постоянными эпитетами, то главным средством создания персонажей третьей группы становится в «Повести о победах...» изображение чувств, которые испытывают люди и народы разных городов в связи с тем или иным событием. Во всех этих фрагментах лирическая взволнованность повествования достигается при помощи многократных тавтологических повторов слитых практически воедино мотивов какого-либо одного сильного чувства и единства народа в нем.

Так, москвичи с великой радостью встречают воеводу М.В. Скопина-Шуйского: «Народ же града Москвы, уведав его приезд боярской, от мала до велика вси вострепеташа сердца своими, свозрадовася радостию неизглаголанною и от многия радости не можаху удержатися от слез. И вси с радостию поидоша на встречу ему...» (14). По пришествии воеводы «Людие же града Москвы ... возрадовашася вси радостию неизреченною» (15). Аналогичным образом описывает автор и чувства вообще всех людей в Московском государстве по поводу талантливого воеводы Скопина-Шуйского: «Бысть же тогда в Московском государстве по всем градом и

весем радость велия, и вси правовернии людие возрадовашася, от многия скорби и туги-беда на веселие превращашеся, видяще храбрость, и мудрость, и милость ко всем князя Михаила Васильевича...» (16). Когда же завистливые бояре отравили Богом посланного, как пишет автор, воеводу, любимого всеми за то, что он был и «оборонитель, и управитель, и окормитель, питатель и обогатитель» (15), «государевым неприятелем устрашител» (14), народ всего государства Московского столь же горестно оплакивает его кончину, как ранее сильно радовался освободителю: «Народи ж вси воскликнуша и возопиша со слезами, от сердца рыдающа и со многим вздоханием безутешно плачуще...» (20). И точно так же, как до этого, автор сначала сравнительно развернуто характеризует неутешный плач москвичей: «И бысть по всему царствующему граду Москве клик и зык и плач неутешимы от многаго стонания и жалости православных христиан, от мала даже и до великаго плачуще и рыдающе. И не бысть такова человека, иже бы в то время не плакал и не рыдал о смерти его и о преставлении» (20). А затем уже более кратко, но в тех же самых сильных выражениях описывает чувства и всех «ратных» людей: «Вси его ратные люди, россия полки, и вси московстии людие и слезно плаката, и от многих сердец въздыхающе, тужаще и недоумевающесея, что сотворити» (20).

Более широко представление о переживании своих современников автор дает, описывая чувства жителей осажденного Смоленска. Пока был жив Скопин-Шуйский, «осадные» люди, терпевшие «многую осадную нужду», имели «неослабну надежду» на помощь Бога, «чающе» «его боярскаго приходу на очищение граду» (16). Воодушевляясь слухом о храбрости и премудрости воеводы, сами многократно выходили из города и «литовских людей побивающе» (16). Когда же и до них дошла весть о преждевременной кончине воеводы, «осадные» люди «много слезно плакате и ниоткуда помощи чающе, токмо упование свое на бога возложише. Народи же града Смоленска в велицей печали бяху...» (21). Столь же великую печаль и недоумение, что делать дальше, испытывают жители Смоленска в связи с пленением царя Василия Шуйского: «Смоляне же тогда, видевше государя своего ведома от иноверных, в велицей печали бывше, много слезно от сердца безутешно рыдающе и недоумевающесея, что сотворити...» (25). Сильное отчаяние жителей Смоленска, обусловленное и смертью Скопина-Шуйского, и пленением царя Василия Шуйского, предвзвещает подробный рассказ о героической обороне и взятии Смоленска, по стилистике и композиции напоминающий «Повесть о взятии Царьграда в 1453 г.» Нестора Искандера, на что указывал Г.П. Енин. Примечательно, что в этом эпизоде, несмотря на появление героев (архиепископа, боярина М.Б. Шеина, посадника Андрея Беляницына), а также расшифровку социального состава

жителей [«и многия боярины, и дворянские жены града Смоленска и иных градов, и мнози народы з женами и з детьми» (27)], которую нельзя назвать исчерпывающей, нигде не описываются чувства «осадных» людей (за исключением одного упоминания об испытанном ужасе в связи тем, что Богородичная икона «слезы испусти»), что становится особенно заметно при сопоставлении с вышеприведенными фрагментами. Очевидно, что разygравшаяся трагедия должна была более потрясать самими фактами, чем гиперболизированной характеристикой чувств жителей.

Вместе с тем необходимо отметить, что преувеличенное изображение чувств не является собственно открытием автора «Повести о победах...». Это – общая черта литературы Смутного времени, на что справедливо указывал А. С. Демин: «...распространение новой манеры повествования о чувствах во многом было обусловлено сложившейся тяжелой обстановкой, породившей в стране ощущения неуверенности, недоверчивости и страха... Авторы использовали преувеличения, чтобы разоблачать тайное и раскрывать скрытое... Даже в документах упоминания о преувеличенных проявлениях чувств, например, обильных слезах, считались своеобразным доказательством истинности высказываний»⁸. Но в «Повести о победах...» широкое использование традиционной для древнерусской литературы и типичной для памятников Смуты, в частности, фразеологии, помимо указанных выше функций, служит главным средством характеристики определенной группы населения, единой в выражении радости или горя по поводу того или иного события.

В целом, автор «Повести о победах Московского государства» использует типичные для древнерусской литературы приемы изображения народа, стараясь индивидуализировать характеристику разных групп населения, правда представляет их в основном в соответствии с традицией как единую массу внутри отдельно взятой группы. Но сама попытка, с одной стороны, сделать главным героем произведения о Смуте народ, а с другой – ввести различия в описании представляется весьма плодотворной для дальнейшего развития русской литературы.

Примечания

¹ Енин Г.П. «Повесть о победах Московского государства» – новонайденный памятник древнерусской литературы // Повесть о победах Московского государства / подг. текста, коммент. Г.П. Енин. Л.: Наука, 1982. С. 96–98.

² См. об этом подробнее: *Адрианова-Перетц В.П.* «Смутное время» в изображении литературных памятников 1612–1630 гг. // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. II, ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. 1948. С. 45–77; *Лихачев Д.С.* Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси: Ко-нец XVI – начало XVII веков. М.: Худож. лит., 1987. С. 5–22; *Коротченко М.А.* Повести о

Смутном времени // История древнерусской литературы: Аналитическое пособие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; Ин-т мировой лит-ры РАН им. А. М. Горького; отв. ред. А.С. Демина. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 150-160; Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. С. 37-41; Бычков В.В. Древнерусская эстетика. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 622-630; и др.

³ Травников С. Н., Ольшевская Л.А. История русской литературы. Древнерусская литература: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2007. С. 355-360.

⁴ Попков В.И. Демократические тенденции русской литературы первой трети XVII века: учеб. пособие. М.: МОПИ, 1984. С. 21.

⁵ Повесть о победах Московского государства / подг. текста, коммент. Г. П. Енин. Л.: Наука, 1982. Здесь и далее в тексте ссылки даются на это издание с указанием страниц в скобках.

⁶ Енин Г.П. «Повесть о победах Московского государства» – новонайденный памятник древнерусской литературы. С. 97-102.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Цит. по: Архангельская А.В. Литература Смутного времени. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37365.php> (дата обращения: 22.03.2013).